

Ночь близилась к двум часам — миновала четвертая стража. Цин И сидел у крепостной стены, чувствуя, как с каждой минутой его одолевают холод и голод. Окрестности сковала глухая, зловещая тишина, вокруг не было ни единой живой души.

Оставаться здесь дальше не имело смысла. Самым разумным было вернуться, объясниться и навсегда покинуть поместье. В конце концов, Цюй Луныцзюнь интересовал лишь сосуд — прежний Е Юань, а не тот, кто занял его место.

Юноша досадно вздохнул. Как всё запуталось... А ведь могло быть так просто.

В одном Цин И был прав: бессмысленно тратить время на пустое ожидание. Но в другом он жестоко ошибался. Цюй Луныцзюнь, который битый час прочесывал улицы Юйляня, беспокоился вовсе не о сохранности «сосуда». Его тревожил сам Цин И.

Юноша покинул поместье еще на закате, даже не притронувшись к ужину. Осенняя ночь дышала сыростью, обильная роса оседала на камнях, а беглец ушел в одном лишь легком халате. Он наверняка продрог до костей и изголодался. Никто не знал этого лучше принца: чужой город, незнакомый мир, полное отсутствие боевых навыков... Пусть Цин И и не был глупцом, но в одиночку противостоять опасностям ночных улиц он не мог.

Покинув Башню Лунной Красавицы, парень словно растворился в ночной темноте Юйляня. Никаких следов. Неужели попал в беду? Ранен? Или...

Принц чувствовал, как внутри все сжимается от глухого страха. Он еще не осознавал до конца, что эта отчаянная, граничащая с паникой тревога была неопровержимым доказательством: Цин И стал для него бесконечно дорог.

Именно Цин И, а не прежний Е Юань.

Прежний Е Юань отличался капризным, хрупким нравом. Его частые обиды и вспышки раздражения давно стали привычными для принца. Но ранимость Цин И была иной. Днем он обезоруживающе улыбался, пряча внутреннюю горечь и подавляя обиду, но копил это в себе до тех пор, пока чаша не переполнялась. И тогда следовал надлом — такой, как сегодня.

Поиски продолжались уже больше четырех часов. Цюй Луныцзюнь изнемогал от усталости и тревоги. Еще немного, и ему пришлось бы поднять на ноги гвардию генерала Ляня, чтобы прочесать окрестности за пределами городских стен.

Как там говорилось? «В судьбоносных встречах нет случайности. Прежде чем встретить свою судьбу, человек уже делает к ней первый шаг».

Среди крошечной тьмы Юйляня, едва разгоняемой тусклыми факелами, принц стремительно шагнул по опустевшей мостовой. Вдруг краем глаза он уловил быстрое движение.

Он резко замер. Сопровождавшие его гвардейцы тут же остановились.

— Что это было? — негромко спросил он.

— Ваше Высочество? — удивленно переглянулись стражники.

— Там... — Принц устремил взор на темные силуэты крыш. Ошибки быть не могло: там промелькнула тень, причем мастерство ее легкости поражало. Этот мимолетный эпизод никак не вязался с исчезновением Цин И, но почему-то заставил его насторожиться. Он уже собирался отдать приказ выследить незнакомца, как вдруг к ним подбежал запыхавшийся дозорный.

— Докладываю Вашему Высочеству! Дворцовая гвардия поднята по тревоге — ловят лазутчика.

— Лазутчика? — Цюй Луныцзюнь сощурился, глядя туда, где только что растаяла тень. — В какую сторону они направились?

— Судя по всему, погоня движется к южной окраине.

— Идем за ними.

— Ваше Высочество?

Принц бросил взгляд в сторону Имперского города и холодно усмехнулся:

— Дворцовые убийцы — редкая дичь. Посмотрим, кто это.

— Слушаюсь!

Мин Фэн мчался к окраине города, преодолевая жгучую боль в плече. Силы таяли, но он не смел замедлить бег.

Кто бы мог подумать, что тот выстрел окажется столь коварным...

Когда стрела из черного золота сорвалась с тетивы лука Цюй Ли, в глазах императора застыл ледяной блеск. Государь не сомневался в своем мастерстве. Он целился не в жизненно важные органы — убивать беглеца не входило в его планы. Ранение было лишь предлогом, чтобы выпустить на охоту синих ястребов. Наконечники этих стрел смазывали особым составом, а оперение делали из перьев птенцов этих хищных птиц. Стоило стреле пустить кровь, как

ястребы могли выследить жертву на любом расстоянии.

Перелетая через высокую стену Имперского города, Мин Фэн уперся клинком Меча Струящегося Света в холодную каменную кладку, чтобы перевести дыхание и совершить новый толчок. Спасение казалось близким, но в спину пахнуло смертоносной угрозой. На чистом инстинкте юноша уклонился от первой стрелы, а вторым взмахом меча перерубил летящую следом вторую. Он уже почти коснулся черепицы на гребне стены, когда из засады вырвалась третья стрела. Ее полет был бесшумен, скрытый свистом первых двух снарядов. Воздуха в легких не осталось, увернуться в прыжке было невозможно — оставалось либо сорваться вниз под град ударов, либо принять выстрел. Выбора не было.

Стрела из черного золота, подобно тусклому метеору, пронзила левое плечо Мин Фэна. От удара он покатился по крыше, но тут же вскочил и, расправив руки, словно раненый коршун, спланировал со стены во тьму городских кварталов.

Увидев, что цель поражена, Цюй Ли холодно усмехнулся и взмахнул рукой:

— В погоню! Взять его живым!

— Слушаюсь! — Гвардейцы тут же выпустили двух синих ястребов. Птицы огласили ночное небо пронзительным криком и, подобно синим призракам, устремились вслед за жертвой.

У-у-у...

В животе у Цин И протяжно и жалобно заурчало. Юноша неловко потер бока. Как же не вовремя... Физиологию не обманешь. Пожалуй, лучше на сегодня вернуться в поместье, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

Он со вздохом поднялся на ноги и оглядел свои одежды, сплошь покрытые пылью. Какой жалкий вид. Не заявляться же в таком виде к принцу? Но стоило ему поднять руку, чтобы отряхнуться, как прямо с неба на него рухнуло что-то тяжелое.

С глухим стуком они покатались по земле. Цин И, не успев даже пикнуть, растянулся на спине, взметнув тучу пыли. Перед глазами заплескали искры, из груди вышибло остатки воздуха. Отличный способ очистить одежду — теперь он вывалился в грязи с головы до ног.

Кое-как придя в себя, Цин И обнаружил, что на нем лежит человек. Мужчина, причем весьма увесистый. Ну надо же, везет как утопленнику! Почему с небес не могла свалиться какая-нибудь юная дева или хотя бы мешок с золотом?

Давясь пылью, Цин И отчаянно закашлялся. Хватая ртом воздух, он уперся руками в плечи

незнакомца и с трудом спихнул его с себя.

— Черт бы это побрал... — прохрипел он, собираясь протереть запорошенные глаза, но замер. При бледном свете луны его ладони оказались испачканы чем-то темным и липким. Хватило секунды, чтобы опознать вещество: кровь.

Встревоженный, Цин И поспешно перевернул раненого и тут же похолодел. Из плеча незнакомца торчала черная граненая стрела. Она прошла сквозь большую круглую мышцу спины, задев лопатку — наверняка там трещина.

В голове Цин И, дипломированного врача, мгновенно развернулась операционная: дезинфекция, извлечение наконечника, остановка кровотечения, швы, укол от столбняка, антибиотики...

— Эй! Слышишь меня? Очнись! — Он легонько похлопал раненого по бледной щеке.

Мин Фэн почувствовал, как мир вокруг закружился, а ноги налились свинцом. Земля ушла из-под ног, он рухнул навзничь. Сквозь пелену обморока почудилось, что его кто-то трясет. Распахнув глаза, юноша, подобно загнанному в угол леопарду, инстинктивно выхватил Меч Струящегося Света.

Только что этот парень лежал без чувств, бледный как смерть, а в следующий миг у горла Цин И уже замерло холодное лезвие. От подобной прыти любой бы растерялся.

— Почтенный... давайте без глупостей, — Цин И осторожно отклонился назад, стараясь убрать шею подальше от обгазированной кровью стали.

Резкая боль в плече заставила Мин Фэна стиснуть зубы так, что затрещали челюсти.

— Ты кто такой? — хрипло выдавил он.

— Да я... просто мимо шел. Воздухом дышал.

— Дышал воздухом? У городской стены, в четвертую стражу? — Мин Фэн не почуял в незнакомце ни капли духовной силы, ни тем более убийственного намерения. Обыватель, не владеющий боевыми искусствами. Явно не из преследователей.

Мин Фэн немного расслабился, но опускать клинок не спешил. Кто поверит в ночные прогулки у самой заставы?

— Самое настоящее совпадение! Но послушай, ты ведь тяжело ранен... — Цин И потянулся к его плечу.

Мин Фэн резко качнул мечом:

— Не твое дело!

Преодолевая раздирающую боль, он заставил себя подняться. Спрятав клинок в ножны, он поднял взор на высившуюся стену. Одолеть ее в таком состоянии казалось безумием, но... «Цинь-эр...»

Мин Фэн стиснул зубы, оторвал кусок ткани от подола и наскоро перевязал рану.

— Послушай, я не навязываюсь, но с такой повязкой ты далеко не уйдешь, — профессиональная деформация Цин И дала о себе знать. Смотреть на подобное варварство он физически не мог.

— Не твое дело, — холодно повторил Мин Фэн. Сконцентрировав остатки ци в даньтяне, он рванулся к стене.

Цин И хотел было высказать всё, что думает об упрямых пациентах, но застыл на полуслове. Парень бросился прямо к стене.

«Он что, разбиться решил?» — пронеслось в голове.

— Эй, сто...

Слово застряло в горле. Мин Фэн взмыл в воздух без всякого разбега, сделал широкий шаг прямо по вертикальному камню, оттолкнулся клинком от едва заметного выступа... и в пару мгновений взлетел на самый верх.

Юноша скрылся за гребнем стены, а Цин И так и остался стоять с разинутым ртом. Неужели законы всемирного тяготения здесь попросту не работают? Куда, черт возьми, он попал?

Прошло несколько минут, прежде чем оцепенение спало. Цин И поежился. Наверное, это галлюцинация от голода. Слишком уж невероятным казалось увиденное.

Он тупо повернулся, собираясь уйти, но носком сапога наткнулся на что-то твердое. Нагнувшись, он поднял небольшую вещицу. В лунном свете она тускло блестела глубоким, почти лаковым черным отливом. Цин И покрутил ее так и сяк — кусок черной яшмы необычной формы. Сначала он хотел выбросить безделушку, но потом передумал: вдруг ее обронил тот «летучий гость»? Стоит припрятать, а при случае вернуть владельцу.

Он сунул яшму за пазуху, но не успел разогнуться, как прямо на него с неба рухнул синеватый силуэт, огласив окрестности истошным криком.

Цин И испуганно вскрикнул и присел, закрыв голову руками.

Чертовщина какая-то!

Когда Цин И наконец осмелился поднять голову, пустырь у крепостной стены уже не был пуст. Его плотным кольцом окружили воины в тяжелых доспехах. В руках они держали факелы и длинные, зловеще поблескивающие алебарды. В звенящей тишине десятки воинов не мигая уставились на него.

Цин И испуганно вжал голову в плечи и медленно огляделся. «Это ведь не по мою душу, верно?»

Словно в ответ на его безмолвную мольбу, оцепление разомкнулось. В круг неторопливо въехал всадник.

На нем были расшитые золотом императорские одежды, а голову венчал венец. Цюй Ли!

— Лекарь Е Юань приветствует Ваше Величество, — Цин И поспешно отвесил глубокий поклон.

— И что же привело лекаря Е в столь глухое место среди ночи? — спросил император. Любой на его месте задал бы тот же вопрос.

Цин И завис на долю секунды, а затем выпалил первое, что пришло на ум:

— Гулял... Проходил мимо.

— Проходил мимо? — Он приподнял бровь.

— Ваше Величество, синий ястреб выследил этого человека, — доложил ехавший следом военачальник, почтительно склонив голову.

— Вот как? — Цюй Ли окинул Цин И оценивающим взглядом. — Скажи-ка, ты видел кого-нибудь мгновение назад?

— Видел.

— И где же этот человек?

— Даже если я скажу, Ваше Величество не поверит. Он улетел. Вон туда, — Цин И небрежно ткнул пальцем в сторону вершины неприступной стены. — Прямо по воздуху.

Цюй Ли поднял взор к зубчатому краю каменной кладки. Беглец действительно оказался незаурядным мастером боевых искусств.

— Объявить погоню за городские стены! Живым! Он нужен мне живым!

— Слушаюсь! — Гвардейцы тут же сорвались с места.

Император вновь опустил взгляд на юношу. Этот человек определенно его забавлял. Гулять у заставы посреди ночи...

— Разве лекарь Е сейчас не гостит в поместье моего царственного брата?

— Ну... — Цин И смущенно отвел глаза. — В некотором роде да.

Цюй Ли заметил это секундное замешательство. После «того случая» этот лекарь изменился до неузнаваемости. Какая забавная перемена. Похоже, Осеннее жертвоприношение в этом году обещает быть весьма нескучным.

— Пожалуй, я самолично провожу лекаря Е до ворот усадьбы. Что скажешь?

— А? — Цин И опешил. Какая неслыханная милость, но ему вовсе не хотелось такой чести. — Ну... Твой подданный...

— Юань-эр!!

Прежде чем он успел выдать вежливый отказ, издалека донесся взволнованный, полный облегчения голос Цюй Луныцзюня:

— Юань-эр!!

Перед глазами всё смазлось, и в следующий миг Цин И оказался в крепких, горячих объятиях. В груди разлилось странное тепло.

— Ваше Высочество... здесь же люди, — пробормотал он, сиюсь скрыть неловкую улыбку.

— Юань-эр! — Принц наконец выпустил его и принялся торопливо осматривать. — С тобой всё в порядке? Не ранен? Голоден? Не замерз?

— А? — Цин И окончательно растерялся. Неужели он так изголодался, что его разум подменяет реальность? Во взгляде Цюй Луныцзюня не было ни капли фальши — лишь искренняя, щемящая тревога. Да уж, голод творит странные вещи.

— Не ожидал встретить здесь брата Чжао, — раздался холодный голос Цюй Ли. Наблюдать за этой сценой нежности ему было противно. Разыгрывают спектакль, чтобы уязвить его? Хотят показать свою близость одинокому правителю?

Цюй Луныцзюнь прекрасно знал о присутствии императора. Услышав язвительный тон, он слегка прищурился и, обернувшись, почтительно поклонился:

— Приветствую Ваше Величество. Юань-эр потревожил Вас непреднамеренно. Прошу простить его дерзость.

[illegible]

— Брат преувеличивает. Я как раз собирался проводить молодого господина Е до твоей усадьбы, но ты явился как нельзя вовремя.

Цин И невольно передернуло. Обмен любезностями между ними казался до того натянутым и фальшивым, что слушать это было невыносимо.

— Твой слуга не посмеет утруждать Ваше Величество. Я сам отведу его домой. Позвольте откланяться.

— Ступай.

Принц мягко приобнял Цин И за плечи и увлек за собой. Цюй Луныцзюнь спиной чувствовал тяжелый, буравящий взгляд императора. К этой вражде он давно привык — они противостояли друг другу больше пяти лет, так что одной битвой больше, одной меньше — неважно.

Цюй Ли долго провожал их глазами.

«Брат мой... В битве за Поднебесную нет места чувствам. Ты обречен на поражение».